

Век Москва — 1999 — 9 ИЮНЯ — 25

Шалопай и самодержцы

Писатели, которые не видели Европу, умирали до сорока лет

Однажды профессор с кафедры русской литературы от скуки на вступительных экзаменах написал сочинение по Пушкину и сдал его под псевдонимом вместе с работами абитуриентов. В родном институте на труд профессора наложили резолюцию: «Неудовлетворительно. Неправильно раскрыта тема». Как «правильно» раскрывать смысл гениальных творений и трактовать классические образы, дай бог забыть каждому, державшему в руках учебник литературы советских времен. Соображения художника Павла Бунина в рамки традиционного литературоведения явно не вписываются. Хотя соображения эти — из разговоров с человеком, всю жизнь посвятившим Пушкину, — Бунин иллюстрировал многие, в том числе и советские издания Александра Сергеевича.

Ирина КОРНЕЕВА

На многих рисунках у Бунина — Пушкин с царем.

— Это ваша любимая тема: художник и власть?

— Один гениальный француз — граф Алексис де Токвиль — заметил: «В истории мало матриц и много скверных отпечатков». Теперь утверждаю, что Пушкин был друг самодержавия. Может, и был в тот момент, когда по слабине предполагал, что сможет влиять на Николая. Но это же наивность. Бенкендорф писал Николаю, что Пушкин шалопай, но если натравить его перо, то из этого будет большая польза. Так они к нему и относились. Они его повязывали. Цензурой, желанием, чтобы Натали блистала на балах, а это колоссальные расходы, долги, в которые он влезал все дальше, тем больше. А неслепая история с камер-юнкерством? Так уж это было Пушкину необходимо? «Я никого силой на службе не держу, но пусть тогда Пушкин не пользуется архивами», — говорил Николай. Ну и не пользовался бы Пушкин архивами, велика важность. Лев Николаевич написал «Войну и мир» без них. Пушкин предполагал, что будет с Николаем

на дружеской ноге, — это желание вылилось лишь в несколько отнюдь не самых лучших его стихотворений. Например, он пишет: «Его я просто полюбил...». Вот так взял и полюбил, после ссылки и повешения друзей. Дальше он объясняет, что государь возвратил его из ссылки. Конечно, это большое дело, да только попал Пушкин из огня да в полымя. Художнику лучше держаться от власти подальше. При любых обстоятельствах.

И про Петра I чем больше Пушкин изучал, тем более омрачалось представление о царе. Первое, что написано о Петре, — блистательный портрет в Полтаве: «Его глаза сияют. Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен». А потом по этим злосчастным архивам мы видим пометку Пушкина: достойна внимания разница между общими законодательными предположениями Петра и указами, которые он будет писать в текучке. Если первые — плоды ума обширного и государственного, то вторые, казалось, писаны кнутом и вырваны из души нетерпеливого помещика. И он видит, что самодержавие не так уж интересуется судьбой личности. А ведь государство состоит из личностей. Все это отражается в одной из самых мощных

...Боже мой! — сказала Марья Гавриловна, схватив его за руку, — так это были вы! И вы не узнаете меня?..

Бурмин поблдевел... и бросился к ее ногам. («Метель»)

его вещей, а именно в «Медном всаднике». Личность и власть — отношение к власти — самое интересное в жизни Пушкина, поверьте мне. Неужели вы думаете, что так уж важно, любил ли он Керн или нет.

— А как вы считаете, Татьяну Ларину он с любовью писал?

— О, это очень чуждая мне натура. Такой, знаете, цветок душистый. Для бедной Тани все были хребти равны... Все это трогательно, но — другая эпоха. Вы знаете, приходят в голову уже, ради бога простите меня, чисто физические ситуации. «Вот отошел... вот боком стал... Кто? Толстый этот генерал?» Связалась на всю жизнь с совершенно чужим, даже неприятным поначалу ей человеком. «Но я другому отдана и буду век

ему верна». У кого как, а у меня это восторга не вызывает. Где-то я читал, будто сестра Пушкина проделала номер: убежала с любимым человеком не то из-под венца, не то после замужества. И что Пушкин ее шуточно обругал: «Ну вот, отняла у меня конец «Онегина». Что мне теперь прикажешь делать?». Но «Онегина»-то он и без такого пассажа завершил блестяще: в минуту злую для него оставил героя надолго, навсегда, потому что, чего ж вола за хвост тянуть. Раз уж так стоит вопрос, продолжения и не может быть.

— Зачем Онегин убил Ленского?

— По суетности своего дурацкого характера, по пошлости. Идиотский скандал из-за идиотского повода. Как можно лезть в бутылку только из-

за того, что с твоей барышней кто-то прошелся в танце? Мальчишеская выходка. Но, впрочем, Пушкин одобряет некоторым образом смерть Ленского. Он мог погибнуть, конечно, как Нельсон, среди торжественных трофеев, но, скорее всего, «поэта обыкновенный ждал удел... пил, ел, скучал, толстел, хирел. И, наконец, в своей постели скончался б посреди детей, плаксивых баб и лекарей»...

— А зачем Ленский Онегина потащил к Лариным?

— Да тоже от нечего делать. Там же ясно сказано: так люди (первый каюся я) от делать нечего друзья... Он подыхал от скуки в своей деревне.

Мне же Пушкин интересен еще вот в каком отношении: это феномен, что великая русская литература как-то отгораживалась от нерусских тем, а Александр Сергеевич представлял достаточно редкое исключение. «Моцарт и Сальери» — это Германия и Австрия, «Дон Жуан» — это Испания, «Пир во время чумы» — это Англия и так далее. Федор Михайлович Достоевский назвал это всемирной отзывчивостью...

Да, Россия где-то фатально отставала от Европы, потому что все силы уходило не столько на умственное развитие, сколько на защиту себя «от степняков». И высказывалось после этого соответствующее отношение... Когда налетают татары, тут, знаете ли, не до интеллектуального углубления, надо защищаться. А с другой стороны шли поляки, с третьей — шведы. Как результат — приходилось концентрироваться и относиться с опаской ко всему, что шло из-за границы. Хотя я заметил очень любопытное явление: те писатели, что не имели счастья видеть Европу, все умерли не позже сорока лет. Ну если не все, то большинство, что тоже о чем-то говорит. Смотрите: сам Александр Сергеевич, Лермонтов, Веневитинов, Кольцов, Полежаев, Грибоедов... Кислорода было недостаточно. Я с грустью и ужасом узнал, что самое крупное издание, на которое мог тогда рассчитывать Пушкин, страшно сказать — 180 экземпляров. А что окружало Пушкина? Из этих ста восьмидесяти семейств сто пятьдесят отцов этих семейств томилась в Нерчинске... А вы спрашиваете, зачем Ленский потащил Онегина к Лариным. Задыхались они — уже тогда шли разговоры о том, как резко понизился культурный уровень общества. С тех пор он, кажется, и не повышался.

В Государственной библиотеке по искусству открылась выставка «Пушкин в рисунках Павла Бунина».